

20 МАЯ 41 9

К 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова

346 Смерть поэта

В связи с исполняющимся в этом году 100-летием со дня смерти М. Ю. Лермонтова, Всесоюзный Лермонтовский юбилейный комитет и Гослитиздат провели конкурс на биографию поэта. На конкурсе была премирована работа С. В. Иванова, статью которого о последнем периоде жизни поэта мы публикуем.

Лермонтов вернулся в Петербург после первой ссылки. Слава его ширилась, росла, русский народ узнал и оценил поэта. Но в России было великосветское общество и царь, не простившие Лермонтову стихи на смерть Пушкина.

Да и Лермонтов своим творчеством после ссылки отнюдь не добивался «прощения». Его последние произведения были, как и раньше, и даже больше, чем раньше, направлены против «общества», против царского окружения, против всех тех, о ком говорил Лермонтов в «Смерти поэта».

Все это понимали и Бенкендорф, и царь, и нужна была лишь одна капля, чтобы чаша переполнилась. Да, кроме того, нужен был и «приличный» повод для того, чтобы разделаться с Лермонтовым окончательно и бесповоротно, так, как раздалась царь и Бенкендорф с Пушкиным.

Последней каплей было новогоднее стихотворение Лермонтова. Под Новый 1840 год, на бал-маскараде в Благородном собрании, где присутствовала царская фамилия, был и Лермонтов. Одна из масок, под которой скрывалась дочь Николая I — Мария Николаевна, задела Лермонтова каким-то словом. Очевидцы рассказывают, что, «не подавая вида, что ему известно, кто задел его словом, держкий на язык Лермонтов не остался в долгу... Выходка молодого офицера... казалась до невероятности дерзновенной».

В ту же ночь Лермонтов написал блестящее по форме и изумительное по силе и напряжению стихотворение — «Как часто, шепотом толпою окружен...» Он

бросил в лицо обществу свой знаменитый «железный» стих:

О, как мне хочется смутить
всеселость их,
И дерзко бросить им в глаза
железный стих,
Облитый поречью и злостью!..

Лермонтов демонстративно поставил под стихотворением дату столкновения с великим. Марией Николаевной (1 января 1840 г.), подчеркнув тем самым адресата стихотворения.

В феврале 1840 года Лермонтов драгся на дуэли с сыном французского посланника де-Баралетом. Дуэль окончилась ничтожной царапиной, никаких последствий этот поединок, казалось бы, не должен был иметь. Но о нем доложили царю, Лермонтов был арестован, посажен на гаушвахту, и военный суд определил: «Вместин Лермонтову содержание под арестом... выдерживать его еще под оком в крепости на гаушвахте три месяца и потом выпустить в один из армейских полков тем же чином».

Однако решение суда о назначении Лермонтова в один из армейских полков не удовлетворяло ни Бенкендорфа, ни царя. Приговор был утвержден, но «армейским полком» царь избрал для Лермонтова Тенгинский пехотный полк, стоявший на Кавказе и назначенный в этом году в большую экспедицию против горцев. Это было повторение предыдущей ссылки с предопределенным результатом — смертью. Тогда Лермонтов случайно не попал под пули горцев. В Тенгинском полку такая случайность повториться не могла —

полк обязательно должен был участвовать в экспедиции.

В качестве «напутствия» Лермонтову этакими прозвучали слова Николая I в письме к жене по поводу «Героя нашего времени»: «Очастливого пути, господин Лермонтов; пусть он очистит свою голову, если это возможно...».

Великосветское петербургское общество, ненавидевшее Лермонтова, и там, на Кавказе, в Пятигорске создало вокруг него ту же обстановку ненависти. Небольшая аристократическая группа, возглавлявшаяся сыном председателя государственного совета Александром Васильчиковым и пятигорской генералшей Е. И. Мерлиной, с первого же дня пребывания Лермонтова в Пятигорске стала интриговать, стремилась всеми силами избавиться от «песенного выскочки и задирки», как называли они Лермонтова. Эта группа пыталась направить на Лермонтова многих офицеров, находившихся тогда в Пятигорске. Передают, что Васильчиков уговаривал поручика Лисаневича вызвать Лермонтова на дуэль, но получил ответ: «Что вы? Чтобы у меня поднялась рука на такого человека!».

Лермонтов чувствовал, а может быть и знал интриги Васильчикова и его окружения. Это интриганство не испугало поэта, он привык к нему и в Петербурге. Лермонтов сам перешел к нападению: в эспромтах и в разговорах выпучивал Васильчикова, надела его кличками, которые уже от Васильчикова не отставали. Это еще более увеличивало ненависть князя. Васильчиков нашел человека, который стал физическим исполнителем убийства поэта. То был оставший майор Николай Соломонович Мартынов, знакомый Лермонтову еще со школы подпоручиков, человек довольно недалекого ума, напыщенный, хвастливый, стремившийся везде и во всем быть на первом месте. Подстрекаемый Васильчиковым, Мартынов по пустяковому поводу вызвал Лермонтова на дуэль.

Дуэль состоялась 15 июля (по ст. ст.) 1841 года. Лермонтов был убит наповал.

**

Это не была дуэль, — это было заранее подготовленное убийство. Недавно обнаруженное подлинное «Дело штаба Отдельного Кавказского корпуса» вскрывает всю подоплеку убийства Лермонтова. Условия дуэли были избраны такие, при которых не оставалось никакой надежды на благополучное ее окончание. Ничтожное расстояние между противниками на поле дуэли, выбор пистолетов крупнейшего калибра, право трех выстрелов, а не одного, как всегда в этих случаях полагалось, отсутствие на месте дуэли врача, даже отсутствие дрожек, на которых можно было бы в случае несчастия быстро опустить пострадавшего в Пятигорск, — все это ярчайшие доказательства заранее обдуманного и тщательно подготовленного убийства.

Об убийстве говорит и многое другое. Существуют неопровержимые утверждения современников о том, что и Мартынову и секундантам было заранее известно, что Лермонтов стрелять не будет (и в первой дуэли Лермонтова с Барантом после выстрела Баранта Лермонтов разрядил свой пистолет в воздух). Наконец, во время самой дуэли Лермонтов, стоя на позиции, держал пистолет дулом вверх. Об этом говорили все секунданти, в том числе и сам Васильчиков. И, несмотря на это, Мартынов быстро подошел к барьеру, долго прицеливался (настолько долго, что секунданти Столыпин, не выдержав, крикнул: «Спрятайте или я развею вас») и убил Лермонтова наповал.

Только что обнаружен и опубликован новый документ, подтверждающий сказанное, — письмо московского почт-директора А. Я. Бушакова к П. А. Вяземскому, написанное 31 июля 1841 года. Сообщая подробности убийства Лермонтова, Бушаков пишет: перед началом дуэли Лермонтов сказал Мартынову, что «ежели он (Мартынов) не так это принимает (то-

есть не считает лермонтовские карикатуры шуткой), то он — Лермонтов тут же готов просить у него прощенье, но ответ был: «Спреляй!».

— Я буду стрелять, но только не в тебя, — сказал Лермонтов и выстрелил в воздух.

...Мартынов подошел к самому Лермонтову, выстрелил ему прямо в сердце. Смерть была скоропостижна, как выстрел».

О преднамеренном убийстве говорят и документы «Дела», рисующие поведение Мартынова и Васильчикова на следствии и суде.

Николай I принял известие о гибели Лермонтова с большой радостью. Очевидцы передают его слова, сказанные по этому поводу, — «туда ему и дорога». Неизвестно, насколько это верно, но зато с большой достоверностью можно утверждать, что по непосредственному распоряжению Николая I были приняты все меры к тому, чтобы убийство Лермонтова как-то замолчать, замазать, дабы избежать от серьезной кары убийц.

«Дело», о котором мы выше говорили, показывает, что основную роль в следствии по делу убийства Лермонтова играл полковник Траскин, начальник штаба командующего войсками Кавказской линии и Черномории. Уже на второй день после убийства Лермонтова Траскин оказался не в Ставрополе, а в Пятигорске и сразу же принял непосредственное участие в следствии и фактически им руководил. Рапорт о дуэли был послан из Пятигорска одновременно военному министру Чернышеву и шефу жандармов Бенкендорфу. Последнему рапорт был послан жандармским подполковником (Кувшинниковым, специально командированным из Петербурга в Пятигорск летом 1841 года для «секретного надзора»). Можно предполагать, что одним из объектов этого «секретного надзора» был Лермонтов. Жандарм Кувшинников был введен и в состав следственной комиссии.

Уже первое царское распоряжение — всех трех подсудимых «передать военному суду на арестованных» — говорило о том, что наказание будет «милостивым». Особое внимание, которое проявил к следствию военный министр Чернышев, неоднократно требовавший как можно скорее кончить дело, подтверждает, что в Петербурге были очень заинтересованы в благополучном окончании дела.

У друзей поэта не было сомнений в том, что царь обойдется с убийцами милостиво. Декабрист Лорер, находившийся тогда в Пятигорске, лично знавший Лермонтова, спросил своего знакомого:

— Чем кончится судьба Мартынова и двух секундантов?

— Да ведь царь сказал «туда ему и дорога», узнав о смерти Лермонтова, которого не любил, и, я думаю, эти слова послужат к облегчению их судьбы.

Друзья поэта не ошиблись. Согласно «Свода военных постановлений» участники дуэлей и их секунданти, как «умышленные смертоубийцы», подлежали «лишению всех прав состояния, наказанию шпицрутенами и ссылке в каторжные работы».

Военный суд не посмел применить это наказание и приговорил Мартынова, Васильчикова и Глебова к лишению чинов и прав состояния. Но еще до решения суда военный министр Чернышев сообщил в Пятигорск, что «ныне государь-император высочайше повелеть соизволил» позволить подсудимым, если суд над ними закончен, отправиться: Васильчикову и Глебову в Петербург, а «майору Мартынову по выбору местожительства». Затем приговор пошел по инстанциям и каждая инстанция смягчала наказание. Когда же решение суда дошло до царя, последовала смертоносная резолюция: «Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гаушвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить...».

С. В. ИВАНОВ,